наши публикации

Из дневников Е. С. БУЛГАКОВОЙ
1937-й год

Мы продолжаем публикацию «Из дневников Е. С. Булгаковой» (см. газету от 5 марта с. г.).

1937-й год был для М. А. Булгакова нелегким, но и не самым трудным в его жизни. Так, предшествующий 1936-й год оказался более тягостным. В тот год были запрещены три его пьесы — «Мольер», «Пушкин» и «Иван Васильевич». Булгакову пришлось перейти в Большой театр на должность консультанта-либреттиста. Огромная черновая работа подавляла писателя. С трудом удавалось выкроить минуты на то, чем жил он все эти годы,— роман о Мастере.

Очень коротко о некоторых лицах, упоминаемых в нынешней публикации. В. В. Дмитриев и П. В. Вильямс — известные театральные художники, друзья писателя. П. М. Керженцев — начальник Главискусства. Р. В. Пикель — один из самых яростных критиков Булгакова. Коля — Николай Афанасьевич — брат писателя. Оля — Ольга Сергеевна Бокшанская — сестра Е. С. Булгаковой. Братья Эрдманы — Борис Робертович (театральный художник) и Николай Робертович (драматург) — близкие знакомые семьи Булгаковых.

Дневник публикуется со значительными сокращениями.

М. А. Булгаков.

1 января. Новый год встречали дома. Были подарки, маски, сюрпризы, большие воздушные мячи.

С треском разбили Миша и Сергей чашки с надписью «1936-й год».

Ребята от всех удовольствий дико утомились, а мы с Мишей еще больше.

Дай бог, чтобы 37-й год был счастливей прошлого!

7 февраля. Не писала больше месяца... Итак, что же вспомнить за этот месяц?

По желанию комитета М. А. дописал еще две картины для «Минина», послал Асафьеву и сдал в театр. Теперь от Асафьева зависит судьба оперы, т. е., конечно, не судьба, а возможность начала работы над ней.

Но самое важное — это роман. М. А. пишет роман из театральной жизни. Написано уже довольно много. Он его читал Ермолинскому — все, что написано. Сергей необыкновенно высоко его оценил и очень тонко понял то, что М. А. хотел вложить в эту вещь.

...В диком восторге — я! Я ловлю каждую новую строчку.

Очень, очень нравится Вильямсу и Шебалину, которые много слышали отрывков. Они массу рассказывали о романе Л. Орловой и Г. Александрову, и те просят теперь их позвать.

...Сейчас наступили те самые дни Пушкинского юбилея. Как я ждала их когда-то! Ведь должен был пойти «Пушкин». А теперь «Пушкин» — зарезан, и мы у разбитого корыта.

9 февраля.

Сегодня получили письмо от Коли из Парижа. В театре «Vieux Colombier» ставят «Зойкину квартиру». Генеральная назначена на 8 февр.

И тут же известие, что этот негодяй Каганский, уже ограбивший Мишу по «Дням Турбиных», моментально выплыл с воплями, что он — единственный представитель Фишера в Европе и. следовательно, имеет права на гонорар и т. д. и т. д.

Пришлось перерыть весь архив, искать материалы, посылать их в Париж. Что из всего этого получится, неизвестно.

12 февраля.

У Миши отвратительное настроение, связанное с «Зойкиной квартирой» в Париже. Опять вчера рылись в архиве, опять посылаем документы. Дома не играют, а за границей грабят.

18 февраля.

Вечером — Вильямсы и Любовь Петровна Орлова. Поздно ночью, когда кончали ужинать, известие от Александрова по телефону, что Орджоникидзе умер от разрыва сердца. Это всех потрясло.

19 февраля.

Днем с Сергеем и Мишей пошли в город, думали попасть в Колонный зал, но это оказалось неисполнимым — очень долго пришлось бы идти в колонне, которая поднималась вверх по Тверской, уходила куда-то очень далеко и возвращалась назад по Дмитровке.

20.II.

Проводила М. А. в Большой, вышли из метро на площадь Дзержинского, потому что на Театральную не выпускали. М. А. был на репетиции «Руслана»...

А потом он с группой Большого театра, вне очереди, был в Колонном зале. Рассказывал, что народ идет густою плотною колонной (группу Большого театра присоединили к этой льющейся колонне внизу у Дмитровки), говорит, что мало что рассмотрел, потому что колонна проходит быстро. Кенкеты в крепе, в зале колоссальное количество цветов, ярчайший свет, симфонический оркестр на возвышении. Смутно видел лицо покойного.

Вечером телеграмма от Асафьева. Написал вторую картину, пишет шестую. У меня было очень паршивое настроение, но телеграмма меня заставила встрепенуться. Мне вообще Асафьев очень нравится, как необыкновенный умница и художественный человек.

22 февраля.

...Звонок Горюнова... с предложением: не может ли М. А. написать пьесу к двадцатилетию или не к двадцатилетию, да вот бы поговорить...

М. А. сказал, что после случая с «Мольером» и «Пушкиным» для драматического театра больше писать не будет...

Откуда подул ветер?..

15 марта. Открытка от самодеятельности Автозавода им. Сталина, просят писать монтаж к 20-летию Октябрьской революции.

18 марта.

После бешеной работы М. А. закончил «Черное море». Считаю — удача.

22 марта.

Сегодня — ценным пакетом извещение о вызове в суд: Харьковский театр русской драмы подал жульническое заявление о взыскании денег по «Пушкину» на том основании, что пьеса не значится в списке разрешенных пьес.

День убит на писание жалобы Керженцеву. Поездка в комитет для сдачи этой жалобы.

26 марта.

Работать нет никакой возможности из-за этого суда!

Разговор с юристом Всероскомдрама Городецким. Очень плохое впечатление от этого разговора. Он не столько хочет найти поводы для защиты, сколько приводит резоны для того, чтобы сказать — «трудное, трудное дело...» Вообще управление это — жуткое место!

30 марта.

М. А. разбирал архив днем. ...Мне нездоровится —гнилая весна. Падает снег и тут же тает, грязно.

Разговоры с М. А. о том, что нам делать.

Спокойной ночи!

Да, забыла написать! Рассказывали о том, как Мейерхольд на собрании актива работников искусств клялся в своих грехах. Это было так позорно, что сначала подумали, что он издевается...

31 марта.

Днем приезжали с М. А. в Репертком. Конечно, первая попытка секретарши — ответить: «занят Литовский» Тем не менее он принял быстро. Оказывается, разрешение он давал. Велел искать пьесу. Пока сидели у него, разговор шел светский — об опере и прочее. Пьесы все нет и нет...

1 апреля.

Возмутительный день! Приезжаем в Репертком — ни Литовского, ни его заместителя. Пьесы найти не могут. Тогда я сказала — смотрите под буквой «П». Там нашлась в списке. Потом стали искать справку Нету. И я же ее увидела в одной из папок Тут выяснилось, что они справки дать не хотят...

У меня нет слов, чтобы описать, что происходило!..

2 апреля.

Утром справка была готова. Написано, что пьеса была разрешена к постановке Вахтанговскому театру, но что комитет приостановил работу над ней.

Потом — суд. Председатель — женщина, производит очень серьезное впечатление. Первым говорил Миша, по-моему, правильно и умно. Показал газетные вырезки, из которых видно, что пьесу готовились ставить. Показал справку Реперткома. Сказал, что «нам с Вересаевым не по возрасту театры вводить в заблуждение». Вторым говорил Городецкий — делово и правильно.

Дело выиграли.

У нас большое моральное удовлетворение...

3 апреля

На Художественный театр Мише прислано загадочное письмо — аноним. Человек пишет, что незнаком, но что является читателем «L'Humanite», и прилагает вырезку.

Там рецензия о «Зойкиной квартире» и вырезанный из той же газеты снимок одной из сцен. Настойчиво подчеркивается в рецензии и даже под снимком, что пьеса написана давно и что теперь таких людей нет в СССР и таких событий.

4 апреля.

В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды и о предании его следствию за совершенные им преступления уголовного характера...

Между прочим, Миша мне в точности предсказал этот вопрос.

Киршона забаллотировали на общемосковском собрании писателей при выборах президиума...

7 апреля.

Звонок из ЦК: зовут Мишу к Ангарову. Поехал. Разговор, по его словам, был долгий, тяжкий по полной безрезультатности. Миша говорил о том, что проделали с «Пушкиным», а Ангаров отвечал в том плане, из которого было видно, что он хочет указать Мише правильную стезю. Между прочим, о «Минине» сказал: почему вы не любите русский народ? — и все время говорил, что поляки очень красивые в либретто.

Самого главного не было сказано (разговор прерывался из-за следующих посетителей) — что Мише нужно сказать и, вероятно, придется писать в ЦК или что-нибудь предпринимать.

Но Миша смотрит на свое положение безнадежно. Его задавили, его хотят заставить писать так, как он не будет писать.

11 апреля.

Мише рассказывали на днях, что Вишневский выступал (а где — черт его знает!) и говорил, что «мы зря потеряли такого драматурга, как Булгаков».

А Киршон говорил (тоже, видимо, на этом собрании), что время показало, что «Турбины» — хорошая пьеса...

У них нет ни совести, ни собственного мнения.

14 апреля.

Тяжелое известие: умер Ильф. У него был сильный туберкулез.

15 апреля.

Позвонили из Дома советского писателя — в караул к гробу.

В то время, как М. А. стоял в карауле, я стояла недалеко от гроба, смотрела на цветы, на жену Ильфа, стоявшую спиной ко мне посмотрела наверх — во втором этаже, на пролете лестницы, увидела фигуру в черном, и лицо такое же желтое, как у Ильфа. Фигура была неподвижна. Я испугалась. Когда опять посмотрела, ее уже не было.

19 апреля.

К М. А. заходила жена поэта Мандельштама. Он выслан и уже, кажется, третий год в Воронеже. Она в очень тяжелом положении, без работы.

Обедал Дмитриев—сияет. Он, говорят, великолепно сделал «Анну Каренину».

Успех «Карениной» оглушительный. Публика рвется попасть на спектакль.

21 апреля.

Слух о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладное. Говорят, что арестован Авербах. Неужели пришла Немезида и для Киршона?

22 апреля.

Марков рассказывал, что в ложе (по-видимому, на «Анне Карениной») был разговор о поездке в Париж, что будто бы Сталин был за то, чтобы везти «Турбиных» в Париж, а Молотов возражал.

25 апреля.

Были в Большом театре. Когда шли домой, в Охотном ряду встретили Катаева (Вал.). Конечно, разговор о Киршоне. Есть слух, что арестован Крючков бывший секретарь Горького. Что натворил Крючков — не знаю, но сегодня он называется в «Вечерней Москве» грязным дельцом.

27.IV.

Шли по Газетному, Олеша догоняет. Уговаривал Мишу идти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал М. А. выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М. А. Это вообще правда, но, конечно, М. А. и не думает выступать с этим заявлением.

2 мая.

Днем М. А. разбирал старые газеты в своей библиотеке...

Сегодня Миша твердо принял решение писать письмо — о своей писательской судьбе.

По-моему, это совершенно правильно. Дальше так жить нельзя. Все это время я говорила М. А., что он занимается пожиранием самого себя.

3 мая.

М. А. весь день пролежал в постели, чувствует себя плохо, ночь не спал. Я тоже разбита совершенно. И этот вечер вчерашний дурацкий! Действительно, сходили в гости! Один пристает с вопросами, почему М. А. не ходит на собрания писателей, другая — почему М. А. пишет не то, что нужно, третья — откуда достал экземпляр своей же книги!!.

5 мая.

Вечером — у Вильямсов. Был и Шебалин. Очень приятно просидели при свечах до трех часов ночи, а потом пошли пешком домой по пустынному ночному городу. Пришли домой — уже светало. Я очень люблю такой весенний рассвет и пустые улицы.

7 мая.

Сегодня в «Правде» статья П. Маркова о МХАТ. Ни одним словом не упоминает о «Турбиных» и при перечислении советских драматургов, играющихся в МХАТ, фамилия Булгакова отсутствует! Есть Олеша, Катаев, Леонов — авторы давно снятых пьес, есть Вс. Иванов — его «Блокада» провалилась, а «Бронепоезд» идет два раза в год!..

8 мая.

М. А. пошел на «Дубровского» в филиал. Я осталась дома. Звонок по телефону в половине двенадцатого ночи — от Керженцева. Разыскивают М. А...

9 мая.

Ну что ж, разговор хороший, а толку никакого. Весь разговор свелся к тому, что Керженцев самым задушевным образом расспрашивал: «Как Вы живете, как здоровье, над чем работаете»—и все в таком роде. А Миша говорил, что после всего разрушения, произведенного над его пьесами, вообще работать сейчас не может и чувствует себя подавленно и скверно. Что мучительно думает над вопросом о своем будущем, хочет выяснить свое положение.

На что Керженцев очень ласково опять же уверял, что все это ничего, что вот те пьесы не подошли, а вот теперь надо написать новую пьесу, и все будет хорошо.

Про «Минина» сказал, что он его не читал еще, что пусть Большой театр даст ему.

А ведь либретто написано чуть ли не год назад, и уже музыка давно написана!

Словом, совершенно ненужный, пустой разговор, без всякого результата.

Вечером у нас Вильямсы и Шебалин. М. А. читал первые главы (не полностью) своего романа о Христе и дьяволе (у него еще нет названия, но я его так называю для себя). Понравилось им бесконечно. За ужином разговор все время возвращался к роману...

11 мая.

М. А. пошел днем в Большой... А вечером пошли к Вильямсам. Петя говорит, что не может работать, хочет знать, как дальше в романе («О дьяволе»). М. А. прочитал несколько глав. Понравились необыкновенно. Отзыв — вещь громадной силы, интересная своей философией помимо того, что увлекательна сюжетно и блестяща с литературной точки зрения.

12 мая.

Вечером — дома. М. А. сидит над письмом к Сталину.

13 мая.

Утром по телефону — Добраницкий... Я сказала, что нет дома. «Тогда разрешите с Вами переговорить?.. У меня есть поручение от одного очень ответственного товарища переговорить с М. А. по поводу его работы, его настроения... Мы очень виноваты перед ним... Теперь точно выяснилось, что вся эта сволочь в лице Киршона, Афиногенова и других специально дискредитировала М. А., чтобы его уничтожить, иначе не могли бы существовать как драматурги они, что он очень ценен для Республики, что он лучший драматург...» и вообще весь разговор в этом духе. «Можно ли сегодня приехать днем с ним повидаться?»

Я сказала, что сегодня не удастся повидать М. А., попросила позвонить в три часа, чтобы условиться на завтра. Ровно в три часа звонок, условились на завтра, приедет в 10 ч. вечера.

Когда я уже попрощалась, Добраницкий попросил разрешения привезти и Нину. Что мне было делать? Согласилась. Хотя не понимаю, при чем это.

...Вечером М. А. сидит и правит роман — с самого начала.

14 мая.

Вечером—Добраницкий с Ниной. Мише нездоровилось, он лежал и разговаривал с Добраницким, а я сидела с Ниной в соседней комнате.

Разговор высоко интересен. Добраницкий строил все на следующей теме: мы очень виноваты перед вами, но это произошло оттого, что на культурном фронте у нас работали вот такие, как Киршон. Литовский, и другие. Но теперь мы их выкорчевываем и надо исправить дело, вернувши вас на драматургический фронт, ведь у нас с вами (то есть у партии и драматурга Булгакова) оказались общие враги, а кроме того, есть и общая тема — Родина, и далее все так же.

М. А. говорит, что он очень умен, сметлив, а разговор его по мнению М. А., более толковая, чем раньше, попытка добиться того, чтобы он написал если не агитационную, то хоть оборонную пьесу.

Лицо, которое стоит за ним, он не назвал, а Миша не стал спрашивать.

15 мая.

Утром — звонок телефонный — Добраницкий! Предлагает Мише, если ему нужны какие-нибудь книги для работы, их достать.

Днем был Дмитриев. Говорит: пишите агитационную пьесу!

Миша говорит: скажите, кто вас прислал? Дмитриев захохотал. Я ему очень рада.

Вечером Ануся, Вильямс, Дмитриев. Миша читал дальше роман о Воланде. Дмитриев дремал на диване, а мы трое смотрели в рот М. А., как зачарованные, насколько это захватывает.

16 мая.

Сегодня удружил Самосуд! Прислал композитора Соловьева с началом оперы. Очень талантливая музыка но никакого либретто нету. Какие-то обрывки, начала — из колхозной пограничной жизни. План Самосуда — чтобы М А. написал ему либретто, а у этого Соловьева есть уже либреттист в Ленинграде — Воинов! Соловьев говорит: «пишите вы» А М. А. говорит: «что писать? Откуда я знаю, что дальше произошло? И куда девать Воинова, с которым вы обвенчаны!».

Соловьев расстроен. М. А. говорит: «вы пишите с Воиновым, как вы начали, а когда у вас будет сценарий, я вам помогу, посоветую, не входя в вашу работу в качестве соавтора».

...В газетах сообщение о привлечении Киршона, Лернера, Санникова и Городецкого к уголовной ответственности по их деятельности в Управлении авторских прав. Вот место, где пили Мишину кровь и мою в последнее время.

Вечером перед Красной стрелой заходил Дмитриев. Загудел за ужином, что нужно обращаться наверх...

...М. А. в ужасном настроении. Опять стал бояться ходить один по улицам.

17 мая.

...Вечером М. А. работал над романом (о Воланде), а я пошла в МХАТ...

23 мая.

...М. А. ушел пройтись по переулкам, тренироваться в хождении одному, а Добраницкий принялся за «Пушкина».

Мы с ним разговаривали, и я сказала, что у нас в нашей странной жизни (М. А. и моей) бывали уже такие случаи, что откуда ни возьмись появляется человек, начинает очень интересоваться Мишиными литературными делами, входит в жизнь нашу, мы даже как-то привыкаем к нему и — потом — он вдруг так же неожиданно исчезает, как будто его и не бывало. Я говорю, так вот, если и Вы... Он очень умно улыбнулся и сказал: «...из таких, то лучше исчезните сейчас и больше не приходите, так?» Я ответила — да. Тогда он мне стал говорить про себя, про свою жизнь, и в результате сказал: «вы увидите, я не исчезну. Я считаю долгом своей партийной совести сделать все возможное для того, чтобы исправить ошибку, которую сделали в отношении Булгакова».

Когда он окончил чтение «Пушкина», пришел М. А., и Добраницкий предложил всем нам прокатиться на машине, захватив и Сергея (пристяжного конька, как его зовет Миша), в Химки, посмотреть новый речной вокзал и канал.

Через полчаса он приехал на машине за нами.

Это было очень интересно...

25 мая.

Сегодня в «Веч. Москве» в сообщении об активе МХАТ есть следующие строки: «При помощи Гейтца, бывшего одно время директором театра, авербаховцы пытались сделать Художественный театр «театральным органом» РАППа».

Вот фигура, между прочим, был этот Гейтц! Производил впечатление уголовного типа.

26 мая.

Сегодня в газете — об исключении из партии Афиногенова.

Оля сегодня мне позвонила днем: «думаю, что вам будет интересно услышать. Сейчас на активе МХАТ Рафалович в своей речи говорил о том, что вот какая вредная организация была РАПП, какие типы в ней орудовали. И вот что они сделали, например: затравили, до конца задушили Булгакова, так что он, вместо того чтобы быть сейчас в МХАТ и писать пьесы, находится в Большом театре и пишет либретто оперные. Что Булгаков и Смидович написали хорошую пьесу о Пушкине, а эта компания потопила пьесу и позволила себе в прессе называть Булгакова и Смидовича драмоделами».

28 мая.

Сегодня днем была необыкновенно сильная, короткая по времени, гроза. Дождь лил с такой стремительностью, что казалось — за окнами туман.

...Вечером пошли с Мишей погулять, зашли в аптеку на Арбате. Мишу там расстроил журналист Прельман; когда-то они с Мишей встречались часто. Первый вопрос: сколько Миша получает от «Турбиных» и «Мертвых душ»?

Разговоры о том, что Мишино положение сейчас очень хорошо, потому что он не продал себя и не участвовал во всей этой кутерьме.

Во всей этой болтовне чувствуется зависть и трепетательство Мишиного имени в связи с последними киршоновскими историями, которые потрясли всю эту литературную и окололитературную компанию.

Сказала Мише, что если бы я была при этом разговоре (я не подходила к ним), то на вопрос о заработках я бы ответила вопросом: вы болели венерическими болезнями? По бестактности это одно и то же.

31 мая.

В «Правде» известие о том, что Куприн возвращается на Родину.

1 июня.

В газетах сообщение о самоубийстве Гамарника.

Куприн вчера приехал. Его фотография в «Известиях» — старенький, дряхлый, с женой.

5 июня.

В «Советском искусстве» сообщение, что Литовский уволен с поста председателя Главреперткома. Литовский — один из самых гнусных гадин, каких я только знала по литературной Мишиной жизни...

10 июня.

Был Добраницкий, принес М. А. книги по гражданской войне. Расспрашивает М. А. о его убеждениях и явно агитирует. Загадка для нас, кто он?

11 июня.

Утром сообщение в «Правде» — Прокуратура Союза о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны и Якира по делу об измене Родине.

М. А. в Большом театре на репетиции «Поднятой целины»... Митинг после репетиции. В резолюции—требовали высшей меры наказания для изменников

12 июня.

Сообщение в «Правде» о том, что Тухачевский и все остальные приговорены к расстрелу.

Миша утром предложил поехать к Сережке на дачу. Взяли такси, заехали за продуктами к Елисееву и покатили. Дача, как все подмосковные. Убого и в смысле природы, и в смысле устройства.

Но я была так счастлива увидеть Сережку! ...Пробыли там недолго, выпили кофе и поехали домой к обеду.

14 июня.

Вечером был Дмитриев. Опять упорно уговаривал М. А. писать пьесу к двадцатилетию.

...М. А. работает сейчас над материалами для либретто «Петр Великий».

25 июня.

...Разговаривали о Добраницком — что это за загадочная фигура?

Вышли в город. Жарко. Шляпа моя белая и пальто (парижские вещи) имеют феноменальный успех. В Гагаринском — Эммануил. Обрадовался, говорил, что обижен нами, что мы его изъяли, спрашивал, когда он может к нам прийти.

М. А. купил на Арбате украинский словарь.

Вечером вдруг решили позвать Эммануила. Условились—в 10 ч Явился в одиннадцать, почему-то злой и расстроенный. И мне, и М. А. он уже давно ясен, но просто любопытно, что он проделает.

Начал он с речей, из которых ясно, что ему внушили передать угрозу — что снимут «Турбиных», если М. А. не напишет агитационной пьесы. А М. А. на это сказал: «ну, я люстру продам».

Потом о «Пушкине». Внимательно расспрашивал, почему, как и кем была снята эта пьеса?

Опять «Пушкин»! Что такое?! И потом о «Зойкиной» в Париже, что и как? Сказали, что уже давно не имеем сведений.

Разговор его — это сплетение вранья и провокации.

М А. возится с луной, смотрит целыми вечерами на нее в бинокль — для романа.

Сейчас полнолуние.

27 июня.

В «Вечерней Москве» — интервью с Асафьевым, причем вся заметка называется «Минин и Пожарский» — новая опера Асафьева».

Непонятно, почему это вдруг появилась эта заметка, если известно, что опера не пойдет? Мне пришло в голову—быть может, не пойдет «Иван Сусанин» и тогда выплывает «Минин»?

5 июля.

Письмо от Асафьева. Благодарит за предложение писать совместно оперу «Петр», тронут тем, что М. А., несмотря на неудачу с «Мининым» (в том смысле, что не пойдет из-за «Сусанина»), обратился опять к нему.

12 июля.

...Вечером у Вильямсов. М. А. прочитал половину повести своей «Собачье сердце». Острая, яркая сатира. Но М. А. говорит, что она грубая вещь.

15 августа.

...Миша говорил, что в городе слухи о писательских арестах. Какой-то Зарудин, Зарубин, Бруно Ясенский. Иван Катаев и еще кто-то. Все эти фамилии мне мало говорят.

16 августа

Миша продиктовал письмо Драмсекции в ответ на их письмо. Написал, что не работает ни над какой пьесой, т. к пьесы все его сняли. А в ответ на вопрос о помощи написал что помощь они могут оказать, если похлопочут о квартире в Лаврушинском и об авансе во Всероскомдраме (так как у нас нет ни копейки).

20 августа.

Холодный обложной осенний дождь.

После звонка телефонного — Добраницкий. Оказывается, арестован Ангаров.

По Мишиному мнению, он сыграл очень тяжкую роль и в деле «Ивана Васильевича», и вообще в последних литературных делах Миши, в частности в «Минине».

Добраницкий упорно предсказывает, что дальше в литературной судьбе М. А. будут изменения к лучшему, и так же упорно М. А. этому не верит. Добраницкий задал такой вопрос «а вы не жалеете, что в вашем разговоре 30-го года вы не сказали, что хотите уехать?»

М. А. ответил: «Это я Вас хочу спросить, жалеть ли мне или нет. Если Вы говорите, что писатели немеют на чужбине, то мне не все ли равно, где быть немым — на Родине или на чужбине».

21 августа.

Дома, одни. М. А. сидит над «Петром». Не могу разобраться не нравится (именно) мне эта вещь или я вообще не люблю Петра. Вернее конечно, последнее.

16 сентября.

Отчаявшись добиться у Самосуда прослушивания «Петра», М. А. решил сдать его и отвез... в театр.

17 сентября.

Утром я отвезла экземпляр либретто в комитет, сдала секретарю Керженцева.

22 сентября

Биндлер позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о «Петре».

Ездили за этим письмом... От Керженцева оказалась записка с заголовком «О Петре», состоящая из десяти пунктов. Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать наново. Нет, так невозможно М. А. работать!

23 сентября.

Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать ли роман и представить? Ничего нельзя сделать, безвыходное положение!

Днем с Сергеем на речном трамвае — прекрасная погода. Успокаивает нервы.

Вечером М. А. попал на репетицию «Поднятой целины» в репетиционном зале. До часу ночи помогал выправить кой-что в тексте. Из театра привезли его в машине (и с головной болью).

30 сентября.

Целый день «Бег».

Все время говорили с М. А. о том, что это означает.

Вечером доказывала Мише, что первый вариант — без самоубийства Хлудова — лучше.

Но Миша не согласен.

Ни звонков, ни писем.

1 октября.

Кончили «Бег». Позвонила к Виленкину. Все стараюсь понять, откуда это и зачем? Но понять нельзя.

3 октября.

Днем приехал Смирнов за «Бегом». Вошел, не снимая пальто, явно стремясь уехать без расспросов. Расспрашивать не стали. Он присел, успокоился, снял пальто... Попросил, чтобы ему показали рецензии на «Бег» Горького и Пикеля. Я показала ему толстую тетрадь вырезок. Он страшно оживился и попросил перепечатать мнение Горького и из рецензии Пикеля. И увез это вместе с экземпляром. Загадка!

...Все время говорим с М. А. о «Беге». Что это? Что-нибудь политически изменилось? Почему понадобилась пьеса? Ничего из этого не будет.

9.X.

Обедал Дмитриев. Говорил, что нужно написать новую картину в «Беге», тогда пойдет пьеса. Вздор какой!

16.X.

Композитор Кабалевский играл в Большом театре свою оперу «Кола Брюньон». Миша давал свои заключения о либретто.

Потом — долгий разговор с Керженцевым о «Петре», о «Минине». Смысл тот, что все это надо переделывать.

29 октября.

Необыкновенный, невиданный никогда мною туман. Трамвайное движение затруднено. Днем возвращалась из парикмахерской, смотрела с Каменного моста — вверху, внизу, кругом — ничто.

11.XI.

...Оказывается, Добраницкий арестован... Вечером Миша прибирал книги, я вытирала пыль, вообще «по домашности».

12 ноября.

Вечером М. А. работал над романом о Мастере и Маргарите.

14.XII.

М. А. пригласил к себе Керженцев, сообщил, что докладывал высокопоставленному лицу о «Минине», просил М. А. сделать необходимые переделки в либретто. Сказал, что поляки правильные. (А прошлый раз говорил, что неправильные). Надо увеличить роль Минина, арию вроде «О, поле, поле...» и т. д.

О «Кихоте» сказал, что надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания (?!).

М. А. приехал домой в его машине, усталый, измученный, в семь часов вечера.

17.XII.

В газете («Правда») — статья Керженцева «Чужой театр» о Мейерхольде. Резкая критика всего театрального пути Мейерхольда. Театр, несомненно, закроют.

19 декабря

Вечером пришел к нам Сережа Ермолинский, а потом — Вильямсы с Шебалиным. За ужином М. А. выдумал такую игру: он прочитал несколько страничек из черновика «Дон-Кихота». Шебалин должен был тут же, по ходу действия, сочинить музыку и сыграть ее на рояле, а Петя Вильямс — нарисовать декорацию Петин рисунок остался у нас, конечно. Я хочу отдать его в окантовку на память об этой шутке.

26 декабря.

Вечером у нас Дмитриев, Вильямсы и Борис и Николай Эрдманы. М. А. читал из романа главы: «Никогда не разговаривайте с неизвестными», «Золотое копье» и «Цирк».

31 декабря.

Кончается этот год. Горький вкус у меня от него...

Публикацию подготовил В. И. ЛОСЕВ.